

Шоу Бернард

**Полное собрание сочинений Б.
Шоу**

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б51

Б51 **Бернард Ш.**
Полное собрание сочинений Б. Шоу: Том 5 / Шоу Бернард – М.: Книга по Требованию,
2023. – 263 с.

ISBN 978-5-521-31500-0

ISBN 978-5-521-31500-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Кандида.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Прекрасное ноябрьское утро въ сѣверо-восточномъ углу Лондона на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ кварталовъ Мэйфера или Сентъ-Джемса. Часть города, гораздо менѣе застроенная и даже въ своихъ трущобахъ менѣе грязная и вонючая, благодаря большому количеству свѣта и воздуха кругомъ. Преобладающее населеніе этихъ кварталовъ--- низшіе слои средняго класса. Улицы широкія и постоянно кишашіи народомъ; много безобразныхъ желѣзныхъ писсуаровъ; большое изобиліе радикальныхъ клубовъ и густая сѣть трамваевъ, катящихся по постоянный потокъ желтыхъ вагоновъ. На главныхъ перекресткахъ даже такая роскошь, какъ поросшіе травою садики съ дорожками отъ воротъ до воротъ. Въ общемъ утомительное однообразіе мила за милей тянувшихся непривѣтливыхъ кирпичныхъ домовъ, каменныхъ мостовыхъ и тротуаровъ, шиферныхъ крышъ и безвкусно одѣтыхъ респектабельныхъ или бѣдно одѣтыхъ нереспектабельныхъ людей, сжившихся съ этою частью города и въ большинствѣ случаевъ занятыхъ каждый своимъ дѣломъ безъ малѣйшаго интереса къ своимъ ближнимъ. Нѣкоторую энергію и даже страстность проявляютъ эти люди только въ дѣловыхъ отношеніяхъ, да кромѣ того еще, когда представляется случай поглазѣть на какое-нибудь зрѣлище. Даже полицейскіе и часовни попадаютъ здѣсь недостаточно рѣдко, чтобы нарушить однообразіе картины.

Ласковое солнце, тумана нѣтъ вовсе; и даже дымъ виситъ не такою густою тучей, чтобы смутить лондонцевъ, хотя его и достаточно

для того, чтобы лица, руки, известка и кирпич не выглядели свежими и чистыми.

Въ этой пустынь непривлекательности есть свой оазисъ. Къ периферическому концу улицы Хакни-Родъ примыкаетъ паркъ площадью въ 217 акровъ, обнесенный не желѣзною рѣшеткой, а деревяннымъ заборомъ. Въ паркѣ масса деревьевъ, множество лужаекъ, озеро съ купальней, грядки цвѣтовъ, представляющія на диво зѣвакамъ триумфъ живописнаго коврового садоводства, и площадка съ привезеннымъ съ берега моря насыпнымъ пескомъ, первоначально устроенная на радость дѣтямъ, но вскорѣ ими покинутая и избѣгаемая, такъ какъ она стала естественнымъ разсадникомъ всякихъ насѣкомыхъ для всей мелкой фауны Кингслэнда, Хакни и Хокстона и прилегающихъ кварталовъ. Бесѣдка для музыкантовъ, безыскусственный форумъ для религіозныхъ, противорелигіозныхъ и политическихъ ораторовъ, лужайки для игры въ мячъ и для гимнастическихъ упражненій и старомодный каменный кіоскъ—все это въ числѣ приманокъ для публики. Въ общемъ чрезвычайно пріятное мѣсто, особенно тамъ, гдѣ перспектива замыкается деревьями или невысокими зелеными холмиками. Но тамъ, гдѣ лужайки упираются прямо въ стѣрый заборъ съ подымающимися за нимъ громадами изъ кирпича и цемента, съ вывѣсками на крышахъ и массою извергающихъ клубы дыма трубъ, тамъ (въ 1894 г.) получается впечатлѣніе чего-то грязнаго и безотраднаго.

Самый красивый видъ на паркъ Викторіи открывается изъ окна церковнаго дома храма святого Доминика. Отсюда не видно ни одного кирпичика. Передъ церковнымъ домомъ садикъ. Посѣтители попадаютъ въ домъ черезъ парадный ходъ, поднявшись по лѣстницѣ; служащіе и члены семьи заходятъ черезъ дверь подъ лѣстницею, которая ведетъ въ нижній этажъ, состоящій изъ столовой окнами въ садъ и кухни окнами на задній дворъ. Во второмъ этажѣ на уровнѣ параднаго входа пріемная съ широкимъ зеркальнаго стекла окномъ, изъ котораго открывается чудный видъ на паркъ. Это единственная комната, которая болѣе или менѣе обезпечена отъ вторженія дѣтей, и она служитъ одновременно и гостиной и рабочимъ кабинетомъ пастора, достопочтеннаго Джемса Мэвора Мореля. Онъ сидитъ на креслѣ, вращающемся съ круглой спинкою стула въ концѣ длин-

наго стола, помѣщеннаго передъ окномъ. Повернувъ голову черезъ лѣвое плечо, онъ можетъ наслаждаться видомъ парка. У другого конца стола, вполосину уже его, небольшой столъ, съ пишущей машиной на немъ. За машинкой сидитъ переписчица спиною къ окну. Широкой столъ заваленъ брошюрами, газетами, письмами, горочками съ выдвижными ящичками, памятнымъ календаремъ-дневникомъ для дѣловыхъ отмытокъ, почтовыми вѣсами и т. п. Передъ столомъ посрединѣ одинокой стулъ для посѣтителей, имѣющихъ дѣло къ пастору. Подъ рукой у него ящичекъ съ канцелярскими принадлежностями и фотографическій портретъ въ рамкѣ. Стѣна за его стуломъ увѣшана полками съ книгами. Глазъ опытнаго наблюдателя можетъ сразу опредѣлить пристрастіе хозяина къ казуистикѣ въ богословской наукѣ по „Богословскимъ опытамъ“ Мориса или по полному собранію поэтическихъ произведеній Броунинга, такъ же какъ и склонность его къ реформаторской дѣятельности въ политикѣ по желтымъ обложкамъ „Прогресса и Бѣдности“, „Фабіановскихъ опытовъ“, „Свѣта Джона Болла“, „Капитала“ Маркса и еще полдюжины другихъ выдающихся произведеній различныхъ оттѣнковъ социалистической мысли. Прямо противъ него, съ другой стороны комнаты, ближе къ переписчицѣ,—дверь. Противъ камина шкапчикъ съ книгами и около него софа. Каминъ выглядитъ очень красиво; передъ нимъ съ одной стороны уютное кресло и разрисованный по черному лаку цвѣтами ящикъ для угля, а по другую сторону дѣтская табуреточка; деревянный съ красивыми уступами лакированный консоль со вставленными въ филенки крохотными кусочками зеркала; на консоли часы въ кожаномъ футлярѣ для путешествія (неизбѣжный подарокъ на свадьбу) и надъ ними на стѣнѣ большой автопортретъ главной фигуры изъ Тиціановской картины „Взлетіе на небо Пресвятой Богородицы“. Все это вмѣстѣ выглядитъ очень привлекательно и уютно. Вообще вся комната носитъ слѣды прикосновенія руки хорошей хозяйки, побѣжденной безпорядочностью мужа только на письменномъ столѣ, во всемъ же прочемъ оставшейся госпожою положенія. Правда, во всей обстановкѣ сказывается стиль „образцоваго убранства для гостиныхъ“ изъ самаго моднаго въ предмѣстьѣ магазина мебели, но все же въ комнатѣ нѣтъ ничего лишняго или претенціознаго. Обоимъ, дверь, косяки, подоконники—темные, благодаря чему огромное веселое окно съ рису-

шимся въ немъ паркомъ является какъ бы вправленнымъ въ темную раму.

Достопочтенный Джемсъ Мэворъ Морель — пасторъ епископальной церкви, христіанскій соціалистъ и состоитъ дѣлательнымъ членомъ гильдіи святаго Матвѣя и Христіанскаго соціальнаго союза. Здоровый, жизнерадостный, съ огромною популярностью, челоуѣкъ сорока лѣтъ отъ роду, крѣпкаго тѣлосложенія, красивый, энергичный, съ милыми, сердечными, внушающими уваженіе манерами и звучнымъ здоровымъ голосомъ, которымъ онъ владѣетъ съ могучею и чистою членораздѣльностью опытнаго оратора и которымъ съ громадною силою и выразительностью пользуется какъ послушнымъ орудіемъ для передачи всѣхъ оттѣнковъ своей мысли. Онъ выдающійся священникъ, умѣющій сказать, что хочетъ и кому хочетъ, умѣющій поучать людей, не возстановляя ихъ противъ себя, импонировать имъ своимъ авторитетомъ, не унижая ихъ, и при случаѣ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, не оскорбляя своею назойливостію. Въ немъ живетъ неизсякаемый родникъ воодушевленія и сочувствія къ людямъ. Онъ покаместъ еще достаточно ѣстъ и спитъ, чтобы побѣдоносно выдерживать ежедневную борьбу между истощеніемъ и возстановленіемъ своихъ силъ. При всемъ томъ большой ребенокъ, простительно гордый своею силою и безсознательно довольный самимъ собою. У него здоровая комплекція. Большой лобъ съ нѣсколькими рѣзкими бровями; ясные, проникательные глаза; рѣшительный, хотя не очень красиво очерченный ротъ; солидный носъ съ подпавшими раздувающимися ноздрями драматическаго оратора. Въ общемъ всѣ черты лишены тонкости очертаній.

Переписчица, миссъ Прозерпина Гарнетъ, маленькая живая женщина лѣтъ 30 изъ низшаго слоя средняго класса, со вкусомъ одѣтая въ дешевую черную шерстяную юбку и блузку, пемного дерзкая и быстрая на языкъ и не слишкомъ пѣжливая въ манерахъ, но чувствительная и преданная душа. Она дѣловито стучитъ на машинкѣ, между тѣмъ какъ Морель вскрываетъ послѣднее письмо своей утренней почты и прочитываетъ его съ комическимъ вздохомъ отчаянія.

Прозерпина. Опять лекція?

Морель. Да. Хокстонская „Группа свободы“ пригла-

ипасть меня на воскресенье утромъ. Провозноситъ съ особою выразительностью „воскресенье“, такъ какъ въ этомъ пунктѣ и заключается несуразность предложенія. Что это за группа?

Прозерпина. Кажется, коммунисты-анархисты.

Морель. По всему видно, что анархисты. Не знаютъ, что священнику въ воскресенье времени нѣтъ! Отвѣйте имъ, что они могутъ пожаловать въ церковь, если желаютъ послушать моихъ рѣчей: имъ церковь совсѣмъ не повредить. Скажите, что я бываю свободенъ только по понедѣльникамъ и четвергамъ. Загляните-ка въ памятный листокъ.

Прозерпина беретъ календарь-дневникъ. Сейчасъ.

Морель. Назначено ли у меня что-нибудь на этотъ понедѣльникъ?

Прозерпина, справляясь съ календаремъ. Да. Рефератъ въ Гамлетовскомъ радикальномъ клубѣ въ Тоусеръ.

Морель. А на четвергъ?

Прозерпина. Рефератъ въ англійской лигѣ возстановленія земельной собственности.

Морель. А дальше?

Прозерпина. Въ понедѣльникъ — въ гильдіи святого Матвѣя. Въ четвергъ — въ Гриничскомъ отдѣлѣ Независимой рабочей партіи. Въ понедѣльникъ — въ Майль-Эндскомъ отдѣлѣ социаль-демократической федерации. Въ четвергъ — въ первомъ классѣ для конфирматовъ. Съ нетерпѣніемъ. Ахъ, я лучше отвѣчу имъ просто, что вы не можете притти. Въдь всего-то ихъ тамъ будетъ съ полдюжины невѣжественныхъ и самодовольныхъ какихъ-нибудь разносчиковъ, фруктошниковъ, и у всей ихъ компаніи вѣроятно не наберется и пяти шиллинговъ въ карманахъ.

Морель, потѣшаясь. Ахъ, но, знаете ли, они вѣдь мои близкіе родственники, миссъ Гарнетъ...

Прозерпина изумленно глядитъ на него. Ваши родственники?

Морель. Ну да, всѣ мы дѣти одного Отца—Небеснаго.

Прозерпина съ облегченіемъ. Ахъ, такіе родственники!

Морель съ печалью, которая является роскошью у человѣка, голосъ котораго такъ прекрасно выражаетъ это чувство. Ахъ, вы не вѣрите этому! Всѣ повторяютъ это, и никто не вѣритъ—никто! Быстро, возвращаясь къ дѣламъ. Но ладно. А все-таки, миссъ Прозерпина, не найдется ли у насъ дня и для разносчиковъ? Какъ насчетъ 25-го? До вчерашняго дня вѣдь это число оставалось у меня незанятымъ.

Прозерпина, справляясь съ календаремъ. Занято—Фабіановское общество.

Морель. О, чтобъ его, это Фабіановское общество! А 28-ое тоже занято?

Прозерпина. Обѣдъ въ Сити. Вы приглашены на обѣдъ общества литейщиковъ.

Морель. Ага! Вотъ и прекрасно. На обѣдъ я не явлюсь, а пойду въ Хокстонскую „Группу свободы“. Прозерпина молчаливо заноситъ въ памятный листокъ это рѣшеніе съ неумолимымъ презрѣніемъ къ хокстонскимъ анархистамъ въ каждой складкѣ лица. Морель разрываетъ бандероль со свѣже-полученнаго ножа „Церковнаго Реформатора“ и просматриваетъ передовицу г. Стюарта Хеллама и извѣстія о гильдіи святого Матвѣя. Сцена оживляется съ появленіемъ помощника Мореля, почтеннаго Александра Милля, молодого человѣка, приглашеннаго Морелемъ изъ ближайшаго университетскаго поселка, куда онъ попалъ прямо изъ Оксфорда, чтобы принести свои знанія широкимъ массамъ населенія восточной окр.

ины Лондона. Это человекъ, воодушевленный самыми бѣлыми пожеланіями, еще не зрѣлый, въ общемъ очень милый. Непріятна въ немъ только манера говорить съ сомкнутыми на полдюйма отъ каждаго угла губами, благодаря чему получается большое жеманство произношенія съ ужасными гласными звуками, особенно когда онъ произноситъ *о*. Очевидно онъ считаетъ это необходимымъ для того, чтобы внести оксфордскую утонченность въ грубые нравы Хакни. Морель, котораго онъ подкупилъ своею собачьею преданностью, снисходительно взглядываетъ на него изъ-за „Церковнаго Реформатора“, съ замѣчаніемъ: Что, Лекси? Опять опоздали, какъ и всегда!

Лекси. Боюсь, что да. А мнѣ бы такъ хотѣлось научиться рано вставать.

Морель, радуясь своей собственной энергіи. Ха! ха! ха! Игриво. Бодрствуйте и молитесь, Лекси, молитесь и бодрствуйте.

Лекси. Знаю. Пытаюсь сострить. Но какъ же мнѣ бодрствовать и молиться, когда я сплю? Не такъ ли, миссъ Прокси?

Прозерпина рѣзко. Не забывайте пожалуйста: миссъ Гарнетъ.

Лекси. Ахъ, извините—миссъ Гарнетъ!

Прозерпина. Сегодня вамъ придется взять всю работу на себя.

Лекси. Почему?

Прозерпина. А все равно, почему. Для васъ это только полезно, хоть разъ потрудиться по-настоящему, какъ я тружусь, и заработать свой ужинъ, прежде чѣмъ съѣсть его. Ну, нечего вамъ тутъ баклуши бить. И такъ уже полчаса пропустили.

Лекси, пораженный. Что она это, серьезно?

Морель съ глазами, блестящими отъ радостнаго возбужденія. Серьезно. Потому что сегодня я собираюсь бить баклуши.

Лекси. Вы? Да вѣдь вы же не умѣете!

Морель сердечно. Ха-ха! Не умѣю? Сегодняшній день я собираюсь весь цѣликомъ жить для себя. Или по крайней мѣрѣ все до-обѣда. Моя жена возвращается: я жду ея въ одиннадцать сорокъ пять.

Лекси, удивленный. Уже возвращается... съ дѣтьми? А я думалъ, что они пробудутъ тамъ еще до конца мѣсяца.

Морель. Они и остаются. Она пріѣзжаетъ всего на два дня, только чтобы купить кой-какія фланелевыя вещи для Джими да взглянуть, какъ мы тутъ безъ нея обходимся.

Лекси встревоженно. Но, дорогой мой, если то, что было у Джими и Флоффи, было дѣйствительно скарлатиной, то считаете ли вы благоразумнымъ...

Морель. Скарлатина!.. Вздоръ! Обыкновенная корь! Я самъ и занесъ ее изъ школы на Пайкрофтовской улицѣ. Священникъ,—что докторъ, мой милый: приходится идти навстрѣчу заразѣ, какъ солдату навстрѣчу пулямъ. Встаетъ и хлопаетъ Лекси по плечу. Вотъ заболѣйте-ка корью, Лекси, если можете: тогда она будетъ ухаживать за вами. Какое это счастье будетъ для васъ! Не правда ли?

Лекси, нерѣшительно улыбаясь. Васъ такъ трудно понять, когда вы говорите о госпожѣ Морель.

Морель нѣжно. Ахъ, женитесь, мой милый,—женитесь на хорошей женщинѣ, тогда вы все поймете! Это предвкушеніе самаго лучшаго изъ того, что будетъ въ царствѣ Божіемъ, которое мы пытаемся устроить на землѣ. Это излѣчило бы васъ отъ лѣности. Честный человѣкъ чув-